

Вячеслав Власов

Прозаик, публицист. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Поклонник и исследователь творчества Рихарда Вагнера, член Общества Рихарда Вагнера в Великобритании. Член Российского Союза писателей, финалист премии «Писатель года» в основной номинации (2022), в номинации «Дебют» (2020). Автор рассказов о жизни композитора в Риге, Санкт-Петербурге, Венеции и о постановках его опер в Российской империи, передачи «Петербургская элегия Вагнера» на телеканале «Санкт-Петербург». Соавтор ряда культурных проектов, направленных на популяризацию творчества Рихарда Вагнера.

Грааль и Цензор¹

(неопубликованная глава;

повесть печаталась в №№ 2-3/2022 и № 1/2023)

Отмененный «Грааль»

— Сергей, дорогой друг, как я рад тебя видеть! — воскликнул граф Михаил Алексеевич Толстой, заключая в объятия Сергея Реброва, вошедшего в просторную гостиную. — Сколько же прошло времени с нашей последней встречи — полгода, не иначе? Признаюсь, я сильно скучал и переживал, что ты навсегда останешься в Венеции, и мы так и будем вечно обмениваться письмами. И вот — какое счастье: ты здесь, у меня, здоров и бодр! Правильно сделал, что навестил меня сразу же по возвращении.

---

¹ Повесть о первой постановке мистерии Рихарда Вагнера «Парсифаль» в Российской империи.

Ребров, тронутый столь теплым приветствием Михаила, расплылся в улыбке и крепко обнял графа:

— Я тоже тосковал по тебе, друг мой. Хотел вернуться домой даже раньше, но доктора не позволили. Стал паковать чемоданы сразу после того, как Австрия напала на Сербию: было у меня нехорошее предчувствие, что этим все не ограничится. И когда император Вильгельм объявил России войну, я тотчас же предъявил врачам ультиматум: сердце мое вдали от страдающего отечества болит еще сильнее, и лишь одно средство способно его исцелить — обратный билет в Петербург. Целый месяц уговаривал их отпустить меня и, наконец, добился своего! Черт возьми, до чего же приятно вновь вдохнуть наш влажный невский воздух и оказаться в обществе старого доброго друга! Кстати, как ты узнал о моем приезде? Я только переступил порог своего дома, еще не успел опомниться от радости, так мне сразу же доставили твою карточку с приглашением!

— Это наш руководитель, Сергей Сергеевич Татищев, следил за твоими передвижениями практически ежедневно. Он мне и рассказал. Татищев ждет тебя с нетерпением: Государь ввел военную цензуру, на наше Управление по делам печати теперь возложены особые функции, я один не справляюсь, и без тебя просто не обойтись. Да ладно, поговорим о службе позже, расскажи мне лучше о своем путешествии. И позволь, пока Мари нет дома, угостить тебя бокалом Saint-Péray, а то и не одним? Ты, наверное, еще не знаешь, что городские власти собираются ввести на период войны «сухой закон». Трезвость — это, конечно, хорошо, если ненадолго. Очень надеюсь, что война скоро закончится, и это безобразие отменят. А пока я опасаюсь, что сегодняшней солнечный сентябрьский день — последняя возможность для нас насладиться любимым шампанским Рихарда Вагнера, — засмеялся Толстой. — Что скажешь — хорошо я научился в долгой разлуке подражать твоему непревзойденному сарказму?

— Лучшего ученика не сыскать! — ответил Ребров, широко улыбаясь и не скрывая своего удовольствия. — Венецианские доктора, конечно, шампанское не одобрили бы, они мне прописывали исключительно сухое красное. Но, раз уж последний раз пьем, так и быть, — наливай Saint-Péray! Будь покоен, при таких обстоятельствах Мари нас не осудит. И давай сегодня про Венецию — ни слова. Лучше ты мне расскажи из первых уст, что происходит в столице, а то я о войне знаю только из газет. Вчера на границе с удивлением обнаружил, что Санкт-Петербурга больше не существует...

Михаил посерьезнел и, передавая другу наполненный бокал, промолвил с грустью в голосе:

— Уже две недели как не существует... Добро пожаловать в Петроград, Сергей! Ты не найдешь среди наших знакомых ни единой души, одобряющей новое имя столицы. Но Государь, поддавшись повсеместным антигерманским настроениям, повелел изменить немецкое название «Город Святого Петра» на славянское. Знаешь, как на это отреагировала вдовствующая Императрица Мария Федоровна? Говорят, что бросила прямо в лицо Николаю: «Так скоро и Петергоф переименуют в Петрушкин Двор!» Но то, Бог с ним. То было высочайшее повеление. А вот затем в городе началось какое-то безумие... Люди разных сословий, безо всяких на то приказов или распоряжений, стали отказываться употреблять в речи немецкие слова. В нашем министерстве финансовыми вопросами теперь занимается не «бухгалтер», а «счетовод»; барышни в буфете предлагают не «бутерброды», а «сэндвичи» на английский манер, поскольку Англия — наш союзник в войне. Да какой с них спрос, если даже обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер подал прошение об изменении своей немецкой фамилии на «Десятовский» — девичью фамилию жены?

— И правда, похоже на умопомрачение... Расскажи-ка поподробнее, как именно ощущаются антигерманские настроения в обществе? Сегодня я заметил в соседнем доме разбитые окна. Там раньше жили немцы-инженеры. Боюсь, что это из той же оперы...

Толстой утвердительно кивнул и принялся перечислять все случаи последних месяцев, свидетелем которых становились либо он лично, либо его сослуживцы. Плакаты «Бей немцев!» в центре столицы, разграбленные квартиры, дома, конторы и лавки немецких подданных, разгромленное германское посольство, увольнение немцев со службы, ограничение их банковских операций и передвижений, высылка из страны. Складывалось такое впечатление, что не только Германия как держава, а любой принадлежащий к немецкой нации вызывал у русских людей отторжение и неприкрытую враждебность.

— Как видишь, желание освободиться от всего немецкого переросло в нападение даже не на солдат вражеской армии, а на простых немцев, чьи семьи мирно жили в нашей империи десятилетиями. Они оказались совсем не готовы к такому повороту событий: несмотря на то, что тревожные ожидания давно витали в воздухе, все полагали, что войны можно избежать, или, в крайнем случае, ограничиться боевыми действиями в странах, о которых добрая половина населения и понятия не имеет. Знаешь, рассказывают, что посол Германии Пурталес даже заплакал после вручения нашему Министру иностранных дел ноты об объявлении войны...

Сергей внимательно выслушал своего друга, покачивая головой в знак негодования, и затем промолвил:

— Поразительно слышать такое, Михаил, о нашей стране, где, начиная с матушки Екатерины Великой, сложно было не найти немцев в императорской семье; где немецкое население столицы — лучшие умы науки, искусства, промышленности, торговли и даже государственного управления. Но, увы, мы должны принять новую реальность: сейчас для нас Германия — агрессор и враг, и наш народ естественным образом вымещает свою ненависть на всех ее представителях. Поверь мне, в союзнических странах, Англии и Франции, происходит то же самое, разве что пока обходятся без погромов... Но ответь мне, друг, отчего ты так много говоришь о бедных немцах, но молчишь о самом главном для нас с тобой? Что происходит с операми Рихарда Вагнера? Какова судьба «Парсифаля», нашего цензурного дитя?

Граф Толстой залпом выпил остатки шампанского, заново наполнил два бокала, глубоко выдохнул и посмотрел на своего собеседника каким-то отрешенным взглядом:

— Нет больше, Сергей, в Российской империи ни прекрасных опер Рихарда Вагнера, ни его удивительных музыкальных драм, ни его философской тетралогии «Кольцо нибелунга». Нет и выстраданной нами торжественной сценической мистерии «Парсифаль».

Не проронив ни слова, друзья несколько минут смотрели друг другу в глаза. Оба были близки к тому, чтобы пустить слезу. Наконец, Ребров нарушил молчание:

— Ты сам запретил исполнение вагнеровских опер в театрах, или тебе приказал Татищев? Или же Министр вмешался?

— Никто не запрещал и не приказывал, Сергей. Они... — Михаил явно волновался, его голос дрожал. — Они, еще недавно рукописавшие «Парсифаля» и сходившие с ума по вагнеровской музыке, сами, не по указке... Они по своей собственной воле отказываются... одни исполнять, а другие слушать Вагнера... Чем они отличаются от устроителей немецких погромов, разве что не убивают обычных, ни в чем не повинных, немцев? Они не просто предают забвению, а оскорбляют память давно почившего композитора, который, естественно, не может ответить! Они оскверняют величайшее достижение мировой культуры! Как это низко, подло, несправедливо!

— Успокойся, друг мой, успокойся, — Ребров обнял Толстого за плечо и протянул ему бокал. — Выпей-ка еще шампанского. С чего ты взял, что люди намеренно оскорбляют Вагнера или оскверняют «Парсифаля»? Я уверен, что ты ошибаешься, и единственное, что ими движет, — желание временно, пока идет война, исключить все немецкое из окружающего их мира.

— Нет, Сергей, мне кажется, здесь нечто большее. Мариинский театр, например, публично заявил, что многие русские певцы от пения Вагне-

ра сорвали голос, и был даже один случай самоубийства! Теперь у них на сцене вместо Вагнера идут поочередно то «Жизнь за царя», то «Руслан и Людмила».

— Это, право, смешно и не очень умно, но не оскорбительно, и, наоборот, говорит о неспособности главной императорской сцены найти и воспитать достойных солистов. А чем тебя Глинка не устраивает? Глинка — наше все, его операми точно не сорвешь голос! А что остальные театры?

— Граф Александр Дмитриевич Шереметев, еще вчера озаренный славой своего первого русского «Парсифаля», теперь вообще не хочет говорить о вагнеровской мистрии. Он где-то прочел, что для нападения на нас Германия строит дирижабль под названием «Парсифаль», и сразу безапелляционно отменил все представления мистрии в новом театральном сезоне и отказался от гастролей в Москве. Единственное, что его сейчас интересует — помощь 6-ой армии на фронте. Там ему предложили должность начальника авиационно-автомобильных дружин. Мадам Литвин, которая исполняла Кундри у Шереметева, заявила журналистам, что, пока продолжается эта мировая трагедия, она не только на сцене, но даже у себя дома, вдали от посторонних глаз, не будет петь Вагнера...

— И снова, Михаил, не вижу здесь никакого осквернения «Парсифаля» — только эмоции дирижера и солистки...

— А Иосиф Михайлович Лапицкий дал объявления в газетах о том, что в его театре Музыкальной драмы пройдет открытая дискуссия, стоит ли сохранять «Парсифаля» в репертуаре. Какое лицемерие! За несколько дней до публикации переводчик Виктор Коломийцов сообщил мне, что решение об отмене «Парсифаля» режиссер принял уже давно. Попробуй угадай: какой оперой его заменили? «Паяцами» Леонкавалло! В наше безумное военное время криминальная история о супружеском убийстве в бродячем театре, оказывается, более важна, нежели вневременная и общечеловеческая мистрия о Святом Граале и о духовном становлении человека!

— Как забавно! Замена и вправду неполноценная, но, опять же, слишком далека она от осквернения «Парсифаля». Кто знает, может, Лапицкий тайне мечтает о том, чтобы его публика во время войны истосковалась по вагнеровской мистрии? Все приведенные тобою примеры, Михаил, свидетельствуют не о ненависти к Вагнеру, а о безысходности театров, их директоров и режиссеров. Сейчас каждому хочется продемонстрировать свой патриотизм. Вот только у многих это получается так же скверно, как в твоём рассказе о министерских буфетчицах, трансформирующих «бутерброды» в «сэндвичи». И это не только российская

проблема. Хочешь, расскажу тебе, как обстоят дела с музыкой Вагнера, например, во Франции?

— Сделай одолжение, а то я начинаю испытывать отторжение от своего собственного народа, и меня это сильно гнетет.

Сергей Ребров наполнил шампанским уже давно опустошенные бокалы, развалился в кресле напротив Михаила и посмотрел на него добрым, по-отечески ласковым взором. От этого взгляда Михаил почувствовал успокоение.

Сергей заговорил; Михаил слушал, жадно глотая каждое его слово.

— Как мне видится, в том, что я называю «отменой Вагнера», национальность не играет роли. Русские в этом деле ничем не отличаются от французов. И у нас, и там вагнерианство в последние годы охватило лучшие умы. Вагнеровский репертуар преобладал на оперной сцене, Вагнер стал и самым любимым, и самым, как говорят коммерсанты, кассовым композитором. Так что мы видим в наши дни? На французских сценах более не услышишь ни одной вагнеровской ноты! Сен-Санс, обращаясь к нации, пламенно утверждает, что вагнеризм подобен наркомании, и от него следует избавиться раз и навсегда! Почему? Потому что в нем полное выражение немецкой, вражеской культуры, и, следовательно, страдающие от вагнеризма добровольно сдаются в плен Германии! Ему пытались возразить в том же ключе, что ты высказался сегодня: мол, искусство не имеет национальности, а принадлежит всему человечеству! На что последовал ответ: искусство может и не иметь, а конкретный артист имеет! Впрочем, одним Вагнером дело не ограничивается: «под нож» идут все немцы и австрийцы — как давно почившие Бах, Моцарт и Бетховен, так и ныне живущие Штраус, Шенберг и Хумпердинк...

— Что же тогда получается, Сергей? — с возмущениемотреагировал Толстой. — «Парсифаль», этот непревзойденный поэтический, музыкальный, философский и духовный шедевр, где нет ни единого призыва к войне, должен быть изгнан со сцены лишь оттого, что его создал Рихард Вагнер? А самого Вагнера, который уже тридцать лет как лежит в могиле и, следовательно, не имеет никакого отношения к развязанной сейчас Великой войне, следует наказать лишь за то, что в далеком 1813 году его матушка имела несчастье произвести на свет будущего композитора в Саксонии? Мой мозг отказывается это понимать.

Ребров вздохнул, размышляя, чем еще можно заставить закоренелого вагнерианца и неисправимого романтика Толстого задуматься о естественности и неизбежности бойкота опер Вагнера, и предложил:

— Ну, хорошо, Михаил, давай попробуем взглянуть на ситуацию по-другому. Что бы ты сказал, если бы я пригласил тебя прямо сейчас, немедленно, бросить все дела и поехать со мной в Байройт на представ-

ление «Парсифаля»? Я бы и с Татищевым договорился, и с Министром, чтобы они отпустили нас со службы на несколько недель. Мы бы и Мари взяли собой.

— Это провокация, Сергей! Ты не хуже меня знаешь о том, что Фестшпильхаус закрылся по причине войны.

— Принято. А если бы я сделал тебе это предложение полтора месяца назад, когда война уже началась, а на байройтской сцене еще давали «Парсифаля», как потом оказалось, в последний раз? Только будь честен сам с собой.

— Я не знаю... Я бы, наверное, ответил тебе, что не время сейчас... Все-таки Германия с нами воюет, а я — русский дворянин, офицер и государственный чиновник. Поездка в Баварию выглядела бы не только непатриотично, но и послужила бы ужасным, отвратительным примером для соотечественников... А вот Мари сразу бы отказалась, по той же самой причине.

Толстой закрыл лицо обеими руками, покачал головой и продолжил неуверенным голосом:

— Похоже, я совсем запутался и сам себе противоречу... Чем я тогда отличаюсь от наших торговцев музыкальными инструментами, отказывающихся сейчас закупать в Германии запасные части к немецким роялям и пианино, но с удовольствием ввозящих те же самые немецкие детали из союзнического государства — Англии?

— Вот ты и сам пришел к мысли о том, что ситуация, по крайней мере, неоднозначная. Ответ мне еще на такой вопрос: если бы тебе сегодня дали миллион рублей серебром и предложили потратить их или на постановку «Парсифаля» в Мариинском театре. или на помощь нашим раненым бойцам на фронте, что бы ты выбрал?

— Конечно же, на помощь бойцам! Но ты мною бессовестно манипулируешь! Я никогда не ставил вопрос «или-или», я просто утверждал...

Толстой понял, что попал в искусно поставленную Сергеем ловушку, и его лицо покраснело от стыда. Он замолчал и посмотрел на друга молящим взглядом.

Ребров же и не думал порицать графа. Грустно улыбнувшись, он разлил по бокалам оставшееся в бутылке шампанское и мягко произнес:

— Видишь, как нам обоим сейчас тяжело, Михаил... Думаешь, мне легче, чем тебе? Нисколько. Знаешь, о чем страстно мечтал я по дороге из Венеции? Уж явно не о переводе работы нашего цензурного ведомства на военные рельсы, чем сейчас придется заниматься. Грезил я тем, как пойдем мы с тобой слушать вагнеровские оперы и в Мариинский театр, и в Императорский Эрмитажный, затем к Лапицкому в «Музыкальную драму», а после — поспешим в Байройт. Мне почему-то казалось, что с помощью со-

юзников мы победоносно завершим эту войну за несколько недель, и для поездки на вагнеровский фестиваль не останется никаких препятствий! Не слишком это приятно, друг мой, — осознавать, что мечты твои в одночасье разбились, как волны о мраморные венецианские набережные...

Михаил Алексеевич одарил Реброва полным благодарности взглядом. До этого дня он был не в состоянии самостоятельно примирить борющиеся в глубине его души два абсолютно равновеликих чувства — любовь к своему отечеству и любовь к музыке Вагнера. Теперь же у него зародилась надежда: с помощью Сергея, настоящего единомышленника, способ для гармоничного сосуществования обоих чувств непременно найдется! Граф успокоился и, искренне поблагодарив друга за сочувствие и поддержку, решил задать ему вопрос, который не осмелился бы озвучить никому другому:

— Не взъищи, Сергей, если сказанное мною покажется тебе недостойным моего рода и чина, но помоги разобраться: в чем заключается не поверхностная, а глубинная суть бойкота людьми вагнеровского «Парсифаля»? Пока я в этой, как ты ее называешь, «отмене» не вижу ничего, кроме выставляемого напоказ патриотизма. Сомневаюсь я, что бойкот Вагнера поможет нам победить на поле боя...

— Сложно ответить, друг мой, я ведь не философ, а чиновник, простой цензор. Но я попробую... Мне кажется, что любое проявление неприязни к вражеской культуре, будь то пассивное игнорирование, или публичный остракизм, помогает людям преодолеть их страхи, вселяет надежду и дарит призрачное успокоение, позволяет ощутить свою причастность к борьбе с агрессором и даже выступает неким инструментом возмездия. Посмотри вокруг: сейчас для многих людей освобождение от всего немецкого есть действенное средство для укрепления духа, причем не менее сильное, чем был Грааль для братства рыцарей в «Парсифале»! И как бы критически не относились мы к этой «отмене», ее стоит культивировать и поощрять ради общего блага.

— А что же тогда делать нам — истинным вагнерианцам? Стыдиться своих музыкальных пристрастий?

— Ни в коем случае! Давай бережно сохраним в душе любимую, прекрасную музыку. Пусть она будет источником, откуда мы станем черпать силы для воодушевления соотечественников на скорую победу. Все войны имеют обыкновение заканчиваться, и эта закончится. Тогда настанет счастливая пора примирения людей и культур. Обязательно настанет! И, чует мое сердце, ничто не сможет объединить бывших врагов лучше, чем настоящее искусство. Запомни мои слова, Сергей: Вагнер непременно вернется в наши театры! А я буду первым, кто пригласит тебя на «Парсифаля», дай только пушкам умолкнуть насовсем...